

Н.А. НЕКРАСОВ – 190

Страдание и протест

Именно противостояние наряду с состраданием отличают некрасовскую поэзию, которую можно охарактеризовать как протестно-страдальческую. Протест и сострадание – это пафос, это та сила, что водила рукой поэта. Благодаря этой силе весь тираж первой книги Некрасова «Мечты и звуки» (1840 г.), куда вошли ранние, безликие и раздражительные его стихи, был сожжён самим поэтом. Благодаря этой силе фольклор и лубок обернулись у Некрасова подлинной народностью, ознаменованной не просто описанием картин народной жизни, но предельно точным её восприятием, а сам Некрасов из эпигона, подражавшего, по его же собственному признанию, всему, что читал, сделался родоначальником гражданского направления русской поэзии. «Топором» называл Белинский талант Некрасова, отзываясь о зрелых его стихах. Протест и сострадание заставили Некрасова обратиться к темам, решительно новым для поэзии, бывшим до того в ведении прозы. Таково, например, стихотворение «Вчерашний день, часу в шестом» (1848 г.):

*Вчерашний день, часу в шестом,
Зашёл я на Сенную;
Там были женщину кнутом,
Крестьянку молодую.*

*Ни звука из её груди,
Лишь бич свистал, играя...
И Музе я сказал: «Гляди!
Сестра твоё родная!»*

И гневный протест против жестокости и бесправия, и горячее сострадание к бичуемой женщине переполняют это восьмистишие, которым, помимо всего прочего, поэт знакомит читателя со своей Музой. А Муза увлекла его в самые тёмные и неприглядные углы, и вот городские пьяницы, обобранные крестьяне, проститутки, мелкие чиновники обрели по воле поэта голоса и наперебой застонали с его страниц. И Некрасов действительно стал выразителем чаяний всех этих несчастных, не стонавшим вместе с ними, но требующим для них иной доли, не желающим мириться с бездушными порядками – протестующим и страдающим.

Даже сегодня, спустя добрых два столетия, поэзия Некрасова продолжает оставаться актуально протестной. И дело не только в том, что многие слова его вновь обрели понятный и животрепещущий смысл, что опять появились на Руси сонмища несчастных, стонущих «в собственном бедном домишке, <...> в каж-

дом глухом городишке» и взывающих к некрасовской лире. Нет, речь прежде всего пойдёт о современной нам гражданской лирике, о наследниках и продолжателях дела Некрасова. Сегодняшняя поэзия битком набита всякого рода философией, рассуждениями и даже проклятиями. А наипаче же всего – умилением Россией и пережёлтывающей через все возможные края любовью к ней. Патриотизма, словом, в избытке. Одного только недостаёт – поэзии как таковой. И создаётся порой впечатление, что знаменитый некрасовский призыв иные стихотворцы усвоили буквально.

Многочисленные гражданские программы, изложенные в рифму, привели к тому, что вообще стихи о России стали зачастую пугать почтеннейшую публику и заставили относиться к гражданской лирике с известной долей настороженности. В самом деле, наткнувшись в очередной раз на рифмы вроде «Русь / люблю» или «Россия / мессия», поневоле вздрагиваешь и думаешь: «Доколе?..» Не сам Некрасов, но его наследие, сохраняющее протестную мощь и являющее собой наивысший пример гражданской лирики, протестует уже фактом своего существования против практикуемого ныне подхода к поэзии и творчеству.

Сложно не согласиться с тем, что ничего нет полнее жизни или действитель-

ности. Человек за время своего существования наметил несколько способов постижения тварного мира. Религия, наука, искусство – вот три пути, могущие вывести человека за его собственные пределы. Поэзия как вид искусства есть способ овладения действительностью, постижения её тайн и выражения в слове. Чем глубже проникновение в суть вещей, чем более узнаём мы в стихах действительную жизнь – не в фельетонном только смысле и не в разрозненных кусках, но в полноте и сложности, в многообразии предметов и явлений, – тем ближе эти стихи к настоящей поэзии. Мороз, лизнувший окно, оставляет на стекле чудесный узор, гармонию которого способен ощутить всякий. Но стоит обвести этот узор, как от гармонии не останется и духа. То же бывает и со стихами, которые только силятся стать поэзией. Создать «морозный узор» и облечь в него суть – тогда только выйдет поэзия, творца которой назовут со временем народным поэтом. Никогда Некрасов не трещал о славе и величии России, никогда не призвал громить её врагов, но именно его мы считаем сегодня выразителем национального и народного духа.

Адресован некрасовский протест и патриотам-мечтателям, которые по недомыслию ли, по злему ли умыслу вот уже два десятка лет сами исходят тоской и пытаются соотничкам внушить тоску по «России, которую мы потеряли», уверяя, что, кабы не 1917 год, жили бы мы ни много ни мало в райских кущах. Ягнёнок лежал бы у нас рядом со львом, и пение псалмь доносилось бы из каждого окна. Основаны эти теории на источниках сомнительных. Прежде всего на эмигрантской литературе, сомнительность которой в том именно и заключается, что создатели её писали о той жизни, которую они и прежде-то, вероятно, знали не слишком хорошо по причине оторванности от неё, а по прошествии многих лет, проведённых на чужбине, забыли вовсе. Вполне естественно, что людям, оказавшимся вдали от Родины и не имевшим возможности приблизиться к ней, хотелось сохранить и передать потомкам нежные воспоминания. Так появлялись пасторали а la gusse – живописные поэмы, концентраты российских достоинств, не могущие, однако, считаться историческими источниками, далёкие от народной жизни и не объясняющие причин кризиса рубежа веков. Таково, например, творчество С. Бехтева, утверждавшего в 1952 г. из французского города Ниццы, что-де

*...Царская Россия: – говор колокольный,
Средь боров дремучих древних келий срубы,
Радость и веселье встречи хлебосольной,
О любви заветной шепчущие губы...*

*Царская Россия: – общий труд и служба,
Твёрдая охрана мира и порядка,
Всех её сословий и народов дружба,
Вековой избыток щедрого достатка...*

Стихотворение это, кстати, положено сегодня на музыку и успешно исполняется как гимн потерянному раю, которого никто, между прочим, из тоскующих по нему не видел. Никто из нынешних патриотомечтателей не прожил в царской России ни единого дня, а потому ностальгия эта, понятная у Бехтева, у них есть чистой воды умопомрачение.

В сказке Г.Х. Андерсена «Калоши счастья» советник юстиции Кнап уверял, что в Средние века жилось гораздо лучше. Но едва только волшебные калоши перенесли его в прошлое, как советник проклял Средневековье и благословил свой век. Н.А. Некрасов жил и творил в те времена, о которых с умилением грезят сегодня не знающие их чудачки. И он не просто свидетельствует – он протестует против нынешнего невежества и пустой, вредной мечтательности. Он утверждает, что та Россия – это тоже наша Родина, но это не только и не столько «радость и веселье, всех сословий дружба и достаток щедрый». А возможно, и гораздо в большей степени – «Армячишка худой на плечах, / По котомке на спинах согнутых, / Крест на шее и кровь на ногах...» («Размышления у парадного подъезда», 1858 г.).

Тут уж и не один только Некрасов свидетельствует. Вот хотя бы слова Достоевского из «Дневника писателя»: «матери пьют, дети пьют, церкви пустеют, отцы разбойничают...» Да и множество других свидетельств найдём мы в русской литературе. Но свидетельства Некрасова и протест его против самолюбования с бичением себя в грудь, против выпадения из реальности в некие вымышленные миры обладают особой ценностью, потому что именно худые армячишки и стёртые в кровь ноги всю жизнь заставляли его страдать и сделали наконец поэтом с особой системой взглядов. Для нас, сегодняшних читателей и почитателей творчества Некрасова, он важен, помимо всего прочего, как источник здравого смысла и благоразумия, убеждающий нас жить настоящим и смотреть в будущее, а не рваться, как кошки в покинутый дом, в прошлое.

Светлана ЗАМЛЕЛОВА